

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

**ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО – ИТОГИ И
ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ**

(Аналитический доклад)

А.Л.Мошес, С.К.Ознобищев, И.Ю.Юргенс

Москва - 2003

I. ВВОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

- 1.1. Основным итогом трансформации государств, территории которых до конца 80-х годов XX века составляли так называемое коммунистическое пространство Европы, стало полное исчезновение этого пространства. Приход к власти в любом из этих государств нереформированных коммунистических партий полностью исключен, а победа на выборах сил, придерживающихся левой идеологии, не приводит даже к попыткам пересмотра нового, основанного на рыночной экономике и политическом плюрализме общественного устройства. Понятие «СССР и Восточная Европа» перестало не только использоваться, но и существовать как категория. Расширение Европейского Союза на восток подводит черту под восприятием стран Центрально-Восточной Европы и Балтии как стран находящихся в «транзитном», переходном состоянии.
- 1.2. Внешнеполитическая эволюция посткоммунистических государств, их адаптация к новым реалиям представляла собой процесс, допускающий одновременно различные, даже противоположные интерпретации. Тезис о демонтаже «разделительных линий в Европе», ставший идеологическим лейтмотивом трансформации, не мог скрыть того, что на деле речь во многом шла о перенесении этих линий дальше к востоку, а вовсе не о полном их уничтожении. Естественное для жителей ЦВЕ и Балтии стремление «вернуться в Европу» имело бы немного шансов на успех, если бы страны Запада не сделали ставку на перенесение геополитических рубежей, на подчеркнутое закрепление своей победы в «холодной войне». Вместе с тем возведение новой границы уже изначально не имело целью воссоздать подобие «железного занавеса». Запад был готов искать возможности для практического взаимодействия с государствами СНГ, прежде всего, с Россией и Украиной, а Восточная Европа и Балтия, добиваясь от Запада получения гарантий своей безопасности от угрозы с Востока, одновременно настойчиво пытались сохранить свои позиции на российском рынке.
- 1.3. Новые разделительные линии Европы в настоящий момент не выглядят непреодолимыми как с точки зрения формального организационного членства, так и сути общеевропейского взаимодействия. Однако ответ на вопрос, будут ли эти линии постепенно размываться или, наоборот, углубляться, зависит от слишком большого количества социально-экономических и политических факторов и поэтому не имеет пока однозначно заданной или даже вероятно преобладающей перспективы.
- 1.4. Анализ трансформационных процессов на Востоке Европы сталкивается и будет сталкиваться с терминологической путаницей, в свою очередь, связанной с крайней условностью деления посткоммунистических государств на группы. С одной стороны, различия в стартовых позициях и условиях протекания реформ даже между странами, которые принято относить к одной группе, зачастую столь заметны, что их объединение в единую категорию теряет смысл. С другой стороны, было бы неверно признать полное доминирование страновых особенностей и отказаться от учета типологических признаков. Географический принцип деления государств на группы возобладал на практике, но ни одно из созданных на его основе обозначений

ний не является аналитически точным и всеохватывающим, а политически - приемлемым для всех заинтересованных сторон.

- 1.4.1. Понятие Центрально-Восточной или Центральной Восточной Европы есть компромисс между стремлением признать продолжение Европы к востоку от Бреста и одновременно подчеркнуть евразийский, а не европейский характер российской государственности. В рамках этой парадигмы, по разным причинам находящей сторонников и на Западе, и в регионе, и в России, у бывшей *Восточной* Европы нет ни шансов, ни необходимости позиционироваться в качестве Европы *Центральной*.
- 1.4.2. Понятие «страны Балтии» вызывает к себе несколько сдержанное отношение в Литве, Латвии и Эстонии, поскольку оно не основано на общем историческом и культурном наследии, общей «балтийской идентичности» или единстве внутренних процессов в 90-е годы. Кроме того, «страны Балтии» все-таки звучит слишком похоже на «республики советской Прибалтики», что само по себе способно провоцировать негативные реакции. По сути, лишь единство политической судьбы в 1939-40, 1991 и 2002 гг. объединили три страны в одну группу. Скорее всего, в перспективе категория будет размываться.
- 1.4.3. «Новое зарубежье», в контексте данного доклада применимое к странам Балтии, Украине, Белоруссии и Молдове, не может считаться удачным термином. Во-первых, в нем присутствует излишний «россиецентризм», а во-вторых, даже в России через 6-8 лет в политику войдет поколение, воспринимающее «зарубежность» этих государств более естественно и органично. Сходные характеристики можно дать и «ближнему зарубежью». Если сравнить пассажиропотоки из России в Турцию или Финляндию, с одной стороны, и в Молдову с другой, характеризовать последнюю как «ближнее зарубежье» будет не столь просто.
- 1.4.4. «Западное СНГ» как политическое объединение или социокультурная категория не существует и в качестве термина используется крайне редко. Вместе с тем его зеркальная аналогия – «Западные новые независимые государства» - введенная в оборот теми, кто хотел бы избежать российско-центричного контекста СНГ, и информационно бессмысленная, продолжает употребляться.
- 1.4.5. Категория «новых восточных соседей ЕС», вошедшая в моду в последние 2-3 года, является по-своему логичной, отражает динамику расширения Союза и факт географического соседства. К России в ней неприменимо лишь слово «новый». Вместе с тем понятие «соседей» можно легко интерпретировать как «вечные аутсайдеры», что вызывает заметное неприятие этого подхода в странах с выраженными европейскими устремлениями.
- 1.4.6. Возможно, в один ряд с устоявшимися терминами «Центральная Восточная Европа» и «страны Балтии» следовало бы поставить понятие «Новой Восточной Европы». Естественно, у него также есть недостатки, связанные с ограниченным сроком «новизны». Однако введение этой категории позволило бы подчеркнуть европейский характер государственности России, Украины, Белоруссии и Молдовы, отразило бы приоритетность для них взаимодействия с Европой, и одновременно зафиксировало бы попадание этих стран - в отличие от Кавказа и Центральной Азии - в сферу непосредственного контакта с Евросоюзом.

- 1.5. Стереотипное восприятие результатов трансформации в отдельных странах сквозь призму их готовности соответствовать критериям членства в ЕС создало несколько искаженную картину реальности. В то время, как страны, отнесенные к разным категориям, по ряду параметров демонстрируют схожие результаты (см. таблицы), этот факт не принимается во внимание из-за того, что существует некая иерархия групп, а именно, «вступающие в ЕС в 2004 г. – вступающие в ЕС в 2007 г. – не вступающие в ЕС в обозримой перспективе». По этой логике, у завтрашних членов ЕС должно быть все хорошо, у послезавтрашних – чуть похуже, а у аутсайдеров – все плохо, хотя на деле все может обстоять совсем по-другому. Постепенно основанная на стереотипном видении готовность Союза принять новых членов становится более весомым фактором принятия решений, чем оценка готовности кандидатов вступить в него.
- 1.6. Как минимум в ближайшем десятилетии, а скорее всего и в более отдаленной перспективе, бывшее коммунистическое пространство Европы, в данном случае включая Балканы, будет разделено на две части. На одной стороне будет укрепляться интеграционная зона ЕС. Членство в Евросоюзе лишит вступающие государства значительной части суверенитета, прежде всего, в экономической и внешнеторговой сферах и в том, что касается контроля за нахождением людей – граждан как Союза, так и третьих стран – а национальной территории. Безопасность этого пространства будет гарантировать НАТО и нарождающиеся структуры безопасности Евросоюза.. На другой стороне сохранится постсоветское пространство. Ничего подобного *acquis communautaire* в этой части Европы создано не будет и потенциал различных интеграционных группировок внутри СНГ, как ориентированных на Россию, так и нет, останется ограниченным. Вместе с тем, экономическая и политическая культура постсоветской «четверки» государств будет типологически сходной и отличной, скажем, от польской или балтийской. Кроме того, вероятно дальнейшее возрастание здесь роли России.
- 1.7. Основной задачей предлагаемого доклада является оценка перспектив взаимодействия этих двух пространств с учетом прогнозируемой внутренней динамики. Доклад продолжает обсуждение проблем, рассмотренных в других материалах СВОП и «Балтийского Форума» («Европейская интеграция и экономические отношения России, Балтии и Белоруссии»), «Россия и Балтия: новые отношения в новом контексте», «Россия и проблемы глобализации: что делать?», «Новые вызовы безопасности и Россия» и др.).

II. КРАТКИЕ ИТОГИ ТРАНСФОРМАЦИИ

- 2.1. Во всех государствах Востока Европы в целом обеспечена политическая стабильность. Преодолен риск дезинтеграции таких стран, как Россия и Украина, воспринимавшийся в качестве серьезного вызова европейской безопасности в начале 90-х годов.
- 2.2. Вместе с тем, в степени, резко нарастающей от ЦВЕ к СНГ и Балканам, посткоммунистические государства оказались не полностью способными осуществить свои базовые функции, а именно: предотвратить уход значительной части экономики в тень, профинансировать в достаточном объеме социальные обязательства и функции национальной обороны и безопасности, наладить эффективную правоохранительную деятельность, преодолеть чиновную коррупцию. Государства СНГ остаются слабыми, с не выстроенной

- сверху донизу управленческой вертикалью. Реформа государственных механизмов в этих странах займет еще длительный период времени.
- 2.3.1. Огромным достижением трансформации на Востоке Европы – в отличие от Балкан и Кавказа - стало отсутствие гражданских войн и крупных межнациональных конфликтов, а также попыток силовой перекройки межгосударственных границ. В начале 90-х годов такой результат отнюдь не выглядел predetermined, принимая во внимание проживание в регионе национальных меньшинств, распространенность бытового и политического национализма, желание свести счеты с историей. Приднестровский конфликт в Молдове выбивается из общего ряда, однако и он был достаточно быстро заморожен; в стране сохраняются реалистические шансы на создание (кон)федеративного государства. Чрезвычайно болезненная проблема Чечни не может считаться межнациональным конфликтом; к тому же Москве удалось не допустить расползания конфликта на соседние районы. В общем контексте усиления политического ислама нельзя исключать вероятности роста татарского экстремизма в Крыму, однако в последние годы власти Украины уделяли значительное внимание уменьшению этого риска. Территориальные претензии Латвии и Эстонии к России также были исключением; в середине десятилетия они были сняты. На границах России и стран Балтии, несмотря на отсутствие подписанных и/или ратифицированных договоров, введен эффективно работающий пограничный режим.
  - 2.3.2. Недвусмысленная позиция НАТО и ЕС сыграла заметную роль в предотвращении конфликтов в ЦВЕ и Балтии.
  - 2.3.3. Позиция Москвы, которая в практической политике однозначно отказалась использовать и тем более провоцировать сепаратистские и экстремистские настроения, прежде всего, в странах Балтии и в Крыму, среди русских, недовольных своим положением, также достойна соответствующей положительной оценки.
  - 2.4. Во всех странах региона введена система избирательной демократии в том смысле, что автоматическое «переназначение» на выборную должность неосуществимо. В последний раз отмена выборов была возможной в России в 1996 г. На Украине и в Белоруссии практикуется продление полномочий действующих властей, для чего в том числе используются или могут использоваться всенародные референдумы – что объединяет эти страны с постсоветской Центральной Азией, однако в итоге властному кандидату приходится проходить состязательную процедуру, пусть и 1-2 года спустя. Выборы являются свободными, однако в России, на Украине и в Белоруссии их нельзя считать полностью справедливыми из-за использования административного ресурса. В этих странах выстраивается механизм управляемой демократии (см. пункт 3.3).
  - 2.5.1. Страны ЦВЕ и Балтии ликвидировали ощущавшийся ими дефицит безопасности. Поиск гарантий на случай возрождения российской угрозы после недолгого заигрывания с идеями нейтралитета и региональной военной интеграции (НАТО-бис) осуществлялся ими в направлении НАТО и в меньшей степени ЕС. С расширением НАТО (в 1999 и 2004 г.) и ЕС (в 2004 и, как ожидается, в 2007 гг.) цель полноправного вступления ЦВЕ и Балтии в Евро-Атлантическую систему безопасности оказывается достигнутой.

- 2.5.2. В процессе продвижения к членству в НАТО странам ЦВЕ и Балтии в какой-то степени удалось навязать странам Запада свою оценку угроз. Прежде всего, это относится к эксплуатации тезиса о наличии у России чрезмерных военных возможностей и тактического ядерного оружия в Калининградской области, что было принято на веру частью общественного мнения и даже политического истеблишмента на Западе.
- 2.5.3. Политико-экспертное сообщество склонно усматривать в расширении НАТО все меньшую опасность для России и Белоруссии. Украина, за исключением части левого электората, никогда не воспринимала выход блока на свои границы как угрозу; более того, Киев делает ставку на членство в НАТО самой Украины. Никаких опасений в связи с выходом НАТО на собственные границы не высказывает конституционно нейтральная Молдова.
- 2.5.4. Таким образом, проблему европейской безопасности в тех формах, в которых она существовала в период «холодной войны» и после ее окончания, можно считать решенной.
- 2.5.5. При этом отказ от использования альтернативы расширению НАТО для достижения той же цели выглядит еще менее оправданным ретроспективно, чем в момент принятия решений в Мадриде в 1997 г. С точки зрения нейтрализации сегодняшних и будущих вызовов безопасности расширение имело целый ряд негативных последствий (см. пункт 5.3).
- 2.6. Восток Европы плотно вошел в региональные организации и форматы сотрудничества трех типов: 1) призванные в первую очередь способствовать обретению заинтересованными странами членства в ЕС («Вышеградская группа», Центральноевропейская инициатива), 2) налаживать сотрудничество между группами постсоветских государств без выхода за пределы бывшего СССР (СНГ, ГУУАМ, Евразийский экономический союз, Союз России и Белоруссии), 3) создавать новые жизнеспособные интегрирующие образования в собственно суб-региональном масштабе (Совет Государств Балтийского моря, Организация Черноморского экономического сотрудничества). Сотрудничество последнего типа особенно ценно и перспективно с точки зрения преодоления новых разделительных линий в Европе.
- 2.7.1. Членство в НАТО и ЕС создает принципиальные возможности, в том числе политико-психологические, а членство в региональных организациях облегчает возрождение и рост интереса в странах ЦВЕ и Балтии к взаимодействию с Россией и другими государствами «Новой» Восточной Европы.
- 2.7.2. Сотрудничество с Россией за некоторыми исключениями более не интерпретируется как попадание в зависимость от нее.
- 2.7.3. Некоторыми новыми членами ЕС и НАТО предпринимаются попытки получить дополнительные бонусы внутри этих организаций за счет ставки на некие особые отношения с «восточными соседями». Наибольшую известность в этом плане получили заявления Польши и Литвы о намерении быть «адвокатами» Украины.
- 2.7.4. В некоторых странах Запада получает популярность тезис, что страны Балтии должны передать свой опыт успешной постсоветской трансформации Украине и государствам Кавказа, и эта точка зрения находит среди балтийцев понимание.

III. РИСКИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

- 3.1. Демонтаж патерналистского государства и снижение, менее или более длительное и глубокое, жизненного уровня населения привели к возникновению на Востоке Европы таких рисков социального развития, с которыми местные общества ранее никогда не сталкивались или не сталкивались в подобных масштабах. Естественно, более благополучные в экономическом отношении страны менее подвержены воздействию нижеперечисленных рисков. Вместе с тем там, где негативные тенденции проявились отчетливо в 90-е годы, некоторое улучшение экономической ситуации в 2000-е не будет иметь быстрого положительного эффекта.
- 3.2. Ни одно из обществ СНГ, Балтии и ЦВЕ не может считать себя полностью свободным от риска физической и социальной деградации, хотя, естественно, СНГ подвержено этому риску в гораздо большей степени.
  - 3.2.1. Практически повсеместно идет снижение численности населения (см. таблицу 3). В России при сохранении нынешних пропорций рождаемости – смертности к 2050 году население может сократиться до 86,5 миллионов человек. С пиковых значений 1993 г. по настоящий момент заметно уменьшилось население Украины.
  - 3.2.2. Не остановлено распространение таких социальных болезней, как ВИЧ-инфекции и туберкулез. По некоторым оценкам, наихудшая ситуация может сложиться на Украине. В России эти болезни также вышли за пределы так называемых групп риска.
  - 3.2.3. Быстрый рост употребления наркотиков становится одной из наиболее острых угроз обществу. Восток Европы перестал быть по преимуществу транзитной зоной и превратился в крупный рынок сбыта наркотиков.
  - 3.2.4. В занятие проституцией вовлечены миллионы молодых женщин из региона, которые впоследствии неспособны к деторождению или рожают физически больных или умственно неполноценных детей. Страны ЦВЕ, Россия и в несколько меньшей степени страны Балтии являются одновременно и поставщиками «живого товара», и импортерами секс-услуг.
  - 3.2.5. Общественная жизнь криминализуется. При этом внимание следует обратить не только на увеличение количества преступлений и наличие полукриминального теневого сектора в экономике, но и распространение в обществе терпимости к «блатной» культуре, использованию преступного мира и его методов для регулирования экономических споров и т.д. В России, где примерно миллион человек находится в местах лишения свободы, и других странах СНГ пенитенциарная система становится мощнейшим рассадником заболеваний.
  - 3.2.6. Все страны региона в той или иной степени сталкиваются с проблемой трудовой эмиграции, как маятниковой, так и безвозвратной, в виде и «утечки мозгов», и экспорта неквалифицированной рабочей силы
  - 3.2.7. В обозримой перспективе для всех стран, кроме Молдовы, еще большей проблемой может стать проблема трудовой иммиграции, связанная с необходимостью импорта рабочей силы из-за старения населения либо привлекательности рынка труда. Москва в силу своих размеров и статуса мегаполиса первой в регионе столкнулась с трудовой иммиграцией в значительных масштабах и сопутствующими этому явлению социальными проблемами.
- 3.3.1. В России, Украине и Белоруссии в условиях массового разочарования экономическими результатами реформ возникла система «управляемой

демократии», установление которой облегчалось интересом общества гарантировать политическую стабильность, а вызывалось интересом правящих элит закрепить удовлетворительные для них в целом итоги преобразований. В случае дальнейшего укрепления «управляемой демократии» интересы общества и общественного развития не будут находить полного отражения в политике государства, что может породить широкий спектр социально опасных тенденций от политического и националистического экстремизма до индифферентного отношения к государству и его институтам. Весь процесс дальнейшего реформирования может в этом случае резко замедлиться или даже полностью остановиться.

- 3.3.2. В Белоруссии в случае политических перемен система может быть демонтирована, но может восстановиться некоторое время спустя. Об этом говорит опыт Украины, где в 1994 г. произошел переход власти от тогдашнего президента к его политическому оппоненту, однако впоследствии, несмотря на гораздо более полицентричную по сравнению с белорусской политической систему, действующей власти всегда удавалось добиваться обеспечения приемлемых для нее результатов выборов.
- 3.3.3. В Латвии и Эстонии лишение большого числа постоянных жителей и налогоплательщиков права посредством выборов обеспечивать представление своих интересов в государственной политике приводит к частично сходным результатам, пусть и другими путями. Создается искаженная картина общественного интереса, в то время как большинство правящих элит обеспечивает себе привилегированные условия для сохранения персонально приемлемой ситуации. Уменьшение числа неграждан, опасаясь эти элиты, приведет к перекройке политической структуры и утрате собственных политических позиций. В результате задача вовлечения больших масс лояльных государствам их проживания людей в политический процесс откладывается на неопределенный срок, что недалековидно, поскольку избирательный корпус в ходе натурализации все равно растет на тысячи человек ежегодно. Выборы 2002-2003 гг. показали, что в Эстонии проблема стоит менее остро - возможно, потому, что у неграждан есть право участвовать в политической жизни на местном уровне, в то время как в Латвии риск формирования двухобщинного сообщества увеличивается. При продолжении нынешних тенденций соблазн для правящих элит двух стран воспользоваться инструментами «управляемой демократии» будет возрастать.
- 3.3.4. В тех странах, где существует «управляемая демократия» или ее элементы, находят проявление следующие явления общественной жизни:
- отсутствие современной многопартийной системы;
  - использование административного ресурса в избирательных кампаниях;
  - широкое распространение некорректных выборных технологий и так называемого «черного пиара» при отсутствии сколько-нибудь серьезной административной или судебной ответственности за это;
  - непрозрачная система сбора средств в избирательные фонды и их расходования;
  - такой тип взаимоотношений между политиком и бизнесом, при котором последний не только и иногда не столько предоставляет первому средства в расчете на лоббирование своих интересов в будущем, что является нормой и в странах развитой демократии, сколько платит властям лояльностью и финансами во время выборов за право существовать в

- «полутени» между кампаниями; эти отношения плодят коррупцию на всех уровнях;
- крайне запутанная схема распределения полномочий между избираемыми и неизбираемыми органами власти;
  - слабость судебной власти при низкой правовой культуре населения;
  - контроль властей и олигархов над СМИ, прежде всего, электронными;
  - «официализация» неправительственных организаций и профсоюзов;
  - неразвитость гражданского общества.

IV. ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

- 4.1 Современный экономический рост в России во многом следует отнести за счет восстановления экономики после распада СССР и разрушительного дефолта 1998 г. Сейчас можно говорить о том, что новые связи созданы и уже начали работать с той или иной степенью эффективности.
- 4.2. Однако, в последнее время, наметилась тенденция к реальному снижению темпов экономического роста. Нельзя исключать, что возможности т.н. "восстановительного роста" в целом, уже в ближайшее время могут быть исчерпаны. Снижение темпов экономического роста, если эта тенденция не будет преодолена (в частности, за счет мер, предлагаемых в ежегодном Послании Президента), представляет собой существенный фактор, влияющий на формирование всех сфер политики.
- 4.3 Попытки структурной перестройки были активно начаты в России уже в начале 90-х гг., однако это повлекло за собой и обострение социально-экономических противоречий и возникновение новых проблем. Кардинальная проблема структурных реформ состоит в том, что они не принесли ожидаемого результата в краткосрочной перспективе. Острота возникающих социальных проблем часто приводила к необходимости корректировки курса реформ. С тем, чтобы сгладить тот эффект на протяжении прошлого десятилетия правительство было вынуждено неоднократно говорить о необходимости развернуть экономический курс «лицом к народу».
- 4.4. Однако рядовые граждане по-прежнему не ощущают на себе улучшение жизненных условий, а скорее наоборот – до достойного уровня жизни для подавляющего большинства россиян еще далеко. Это является еще одним свидетельством того, что устойчивый рост возможен лишь тогда, когда преобразования носят не разрозненный характер, а образуют единую систему эффективной «политики роста».
- 4.5. Стала явственнее, особенно в преддверии выборов, проявляться тенденция к принятию популистских и упрощенных решений, существующих вне рационального «экономического поля». Такая атмосфера не может не воздействовать на ухудшение качества экономической политики.
- 4.6. Как показывает практика, ответственная макроэкономическая политика крайне проблематична и в условиях высоких цен на нефть, которые «разворачивают» «капитанов экономики», толкают их на простые решения вроде создания гигантских денежно-валютных запасов вместо скрупулезной работы с этими средствами в реальной экономике.
- 4.7. Будущее России и траектория ее экономического развития в значительной степени зависит не только от наших внутренних условий, но и от общемировых тенденций. Эти процессы абсолютно небезразличны российской эко-

- номике, оказывают сильное влияние на эффективность экономической стратегии.
- 4.8. Необходимо правильно использовать и творчески относиться к уже накопленному опыту лидирующих стран и ни в коем случае не копировать его буквально. Этот опыт должен служить для понимания проблем стратегического характера, которые нам предстоит преодолевать.
  - 4.9. Сейчас можно говорить о том, что власть в России начала динамичные поиски «комплексного выхода» из тех экономических тупиков, куда завели российскую экономику проекты реформ, большинство из которых так и не было завершено.
  - 4.10. Важнейшей задачей на сегодня является обеспечение догоняющего, а на отдельных направлениях и опережающего развития – создания "точек экономического роста". Для достижения этих целей следует активно привлекать все возможные средства, в том числе и частный капитал, который должен быть сориентирован на национальные, а не клановые интересы. Само государство должно создать реальные условия для активизации этого процесса.
  - 4.11. Крайне важна была бы амнистия капитала. Так называемые оффшорные деньги, на самом деле, работают в России - надо постараться вывести эти средства из тени и создать условия для их нормальной работы.
  - 4.12. Одна из несомненных точек роста может быть обеспечена за счет отлаживания всего процесса инновационной деятельности – от изобретения и опытной разработки (которыми, традиционно, богата Россия) до внедрения в практику и получения прибыли. Финансирование этого процесса должно и может осуществляться за счет целевых поступлений средств, полученных за счет экспорта энергоресурсов.
  - 4.13. Россия обладает богатейшим ресурсным потенциалом, обеспечивающим (наряду с другими факторами) ее нерядовой статус в мире. Сейчас необходимо задействовать иной – организационный потенциал. Необходима срочная организация, «настройка» всех экономических и организационных ресурсов для целей развития. Выполнение такой задачи возможно при принятии комплексного политического решения самого высокого уровня.
  - 4.14. Россия может обрести и утвердить свой статус реального лидерства среди стран СНГ, стать более привлекательным торговым и политическим партнером для Европы и других стран мира, только после того как она сможет решить свои экономические проблемы, обеспечить устойчивый рост в экономике и достойную жизнь своим гражданам.
  - 4.15. Пример трансформации социально-экономической модели в России, в других постсоциалистических странах позволяет говорить о неких общих тенденциях, закономерностях, миновать которые, при той или иной степени «погружения» в проблемы переходного периода, не удалось ни одной из стран. Налицо ряд общих черт и тенденций, которые позволяют говорить об объективности процессов и явлений переходного периода в экономике постсоциалистических стран.
  - 4.16. Отдельные детали и специфика переходного периода в каждом из постсоциалистических государств определялись как некоторыми упомянутыми ниже закономерностями, так и, в меньшей степени, особенностями конкретных действий правительств переходного периода в разных странах. Начало же рыночных реформ, применение при этом сравнительно сходного набора

- инструментов в значительной степени нивелировали национальную специфику «экономической картины» переходного периода.
- 4.17. Нет такой страны, где бы крах коммунистического режима не обуславливал бы и кризиса во взаимодействии и функционировании экономических структур. Это были характерные черты и причины, порождавшие последующие обязательные кризис и рецессию.
  - 4.18. В бывших социалистических странах Центральной и Восточной Европы при наличии адекватной экономической политики для выхода из кризиса и восстановления экономического роста оказался достаточным период в несколько лет. В итоге, темпы экономического реформирования в этих стран оказались вполне сравнимы.
  - 4.19. Однако в большинстве постсоциалистических государств бывшего СССР по прошествии того же срока в экономике не наблюдалось ни роста, ни даже заметного оживления. Существенная разница в длительности протекания рыночных процессов - "становлении рынка" - оказалась практически напрямую связана с исторической протяженностью и глубиной внедрения "социалистических методов хозяйствования" в экономические процессы, степенью дефицита элементов рынка в реальных хозяйственных процессах.
  - 4.20. Данные закономерности в полной мере проявились применительно к странам Восточной Европы и Балтии, где, несмотря на десятилетия социалистического строя, всегда на высоком уровне сохранялось «рыночное сознание». В иных, кроме государств Балтии, бывших республиках СССР, традиции рыночных отношений исторически существовали на крайне низком уровне либо и/или по ним катком прошли установившиеся на долгие годы принципы "социалистической экономики".
  - 4.21. Крайне важным элементом, отражающимся на скорости проведения рыночных реформ, стало согласие "политического класса" относительно необходимости, глубины, интенсивности политических и экономических преобразований и их характера. В отличие от большинства бывших соцстран Европы и Балтии, в подавляющем большинстве бывших республик СССР реформы наоборот разбудили коренные противоречия между различными политическими группами, что создало существенные препятствия самому ходу проведения преобразований.
  - 4.22 Из-за политической нерешительности и необеспеченности реформ в России, странах СНГ наблюдались неоднократные «откаты» в ходе их проведения, корректировки курса и т.п. Пробуксовывание реформ создавало дополнительный элемент внутреннего противодействия реформаторской политике. Серьезными просчетами явились попытки автоматического и некритичного перенесения зарекомендовавших себя в других странах схем экономических реформ. Пришлось практически "до основания" разрушать существовавшие на протяжении десятилетий "социалистические" государственные и экономические институты и, путем проб и ошибок, пытаться создавать новые. В итоге, сейчас трудно с уверенностью предположить, когда закончатся "переходные" периоды в экономике большинства бывших республик СССР.
  - 4.23 Характерным отличием процессов, протекавших в 90-е гг. в Европе, стало объединение политического класса вокруг реформаторского курса, выдвижение новых лидеров-реформаторов, перестройка и совершенствование существовавших экономических и государственных институтов. Хотя де-факто в посткоммунистических странах Европы и Балтии перестройка соот-

ветствующих национальных экономик полностью завершится лишь к концу предоставленных им переходных периодов, копенгагенские решения о расширении ЕС выдают странам ЦВЕ и Балтии некий сертификат качества. Гораздо меньшее, но все же позитивное практическое значение имеют состоявшееся в случае России и ожидаемое в случае Украины предоставление им статуса стран с рыночной экономикой.

- 4.24 Вместе с тем признание успехов на политико-дипломатическом уровне не дает полного отражения ситуации. Только Чешская республика, Словакия, Польша и Венгрия смогли превзойти дореформенные объемы ВВП. Членство в ЕС, вероятно, будет способствовать достижению этих показателей сначала Эстонией, а потом Латвией и Литвой, хотя в последнем случае все еще может понадобиться длительное время. В России и Украине даже при нынешних – негарантированных – темпах роста, восстановление «советских» объемов ВВП займет еще примерно десятилетие, что применительно к абсолютным экономическим показателям будет означать потерю усилий целого поколения. Нынешнее относительное экономическое благополучие Белоруссии куплено ценой откладывания реформ, что может принести большие проблемы в будущем; впрочем, российский опыт и российский капитал, вполне возможно, позволят Белоруссии осуществить перестройку экономики быстро и не столь болезненно. Источников качественного экономического роста Молдовы не просматривается. (См. таблицу 1.)
- 4.25 В итоге, пройдя через общие этапы переходного периода, постсоциалистические страны оказались на разных этапах своего экономического развития – если страны Восточной Европы, Балтии более или менее определились в основных элементах своей экономической политики, то в России, при декларированной приемлемости рыночной модели, по-прежнему идут ожесточенные споры относительно ряда ее важнейших компонентов. Темпы рыночных преобразований, стадии выхода из экономического кризиса для других бывших республик СССР стали сейчас существенно отличаться друг от друга. В ряде же из них национальная специфика настолько деформировала рыночную модель, что делает ее однозначную классификацию на сегодняшний момент затруднительной.

V. ПЕРСПЕКТИВЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА БЕЗОПАСНОСТИ

- 5.1. Практически повсеместно признается, что страны европейского континента объединяет в настоящий момент большое количество общих нетрадиционных вызовов безопасности, которые в силу их растущей опасности, видимо, уже неоправданно называть «мягкими». Значительная часть рисков, связанных с ростом политического и религиозного экстремизма, терроризма, наркоторговли имеет внеевропейское происхождение и требует солидарного ответа всей Европы и Евро-Атлантического сообщества. Однако объединение усилий и нахождение организационных форм и механизмов взаимодействия пока чрезвычайно затруднено.
- 5.2. Постепенно маргинализуется ОБСЕ, выполнившая свой мандат времен «холодной войны» в области контроля над вооружениями и не сумевшая стать действенным инструментом урегулирования конфликтов и обеспечения прав меньшинств. В России, которая вложила много дипломатического капитала

в сохранение авторитета ОБСЕ, растет недовольство тенденцией к превращению организации в «министерство по делам Чечни и Белоруссии».

- 5.3.1. НАТО в процессе своего расширения фокусировалась не неверных приоритетах. Альянс, сокращая свой военный потенциал, так и не перестроил его на борьбу с новыми угрозами. 11 сентября 2001 г. застало НАТО врасплох, а дальнейшее формирование США антитеррористической коалиции проходило на индивидуальной основе, через голову НАТО.
- 5.3.2. Расширение автоматически акцентировало роль России как минимум внешней, а максимум – противостоящей действиям НАТО силы. Несмотря на все заверения, Россию не удалось убедить в отсутствии антироссийской направленности в экспансии блока. Более того, косвенно нанесение ущерба безопасности России признавалось всегда, как только речь заходила о любых компенсационных мерах, будь то обязательства не размещать войска НАТО и его ядерное оружие на территории новых членов в 1997 г. или добиваться присоединения стран Балтии к договору ОБСЕ в 2002 г. Если США пойдут на перенос своих военных баз из Германии в страны ЦВЕ, как это сейчас обсуждается, вновь зазвучат декларации об отсутствии антироссийских намерений и тем самым, парадоксальным образом, вновь будет продемонстрировано восприятие друг друга в духе ранних 90-х, как если бы ситуация в сфере безопасности с тех пор не изменилась.
- 5.3.3. Поставив расширение числа членов выше обретения новой цели своего существования, НАТО утратила шанс на реформирование. Даже после 1997 г. Альянс еще мог стать основой общеевропейской системы безопасности, деятельность которой гибко сочетала бы вклад членов и нечленов на основе развития концептуального подхода раннего «Партнерства во имя мира» (до того, как программа превратилась в зал ожидания членства в НАТО), увеличения оперативной совместимости национальных контингентов. После второй волны расширения перед НАТО открывается перспектива превращения в уменьшенное ОБСЕ-2 с растущей географией членства, усиливающимися трудностями в управлении, а главное – неопределенной миссией. После иракского кризиса 2003 г. НАТО как Альянс выглядит все менее способной вести боевые действия и даже предоставлять политическое обеспечение силовым акциям, как это было в 1999 г. во время войны против Югославии. США будет использовать НАТО как инструмент своей европейской политики, но эта функция с проблемами безопасности прямо не связана.
- 5.3.4. С учетом этих обстоятельств трудно прогнозировать наличие подлинной взаимной заинтересованности НАТО и России в налаживании институционального и эффективного партнерства. Совет Россия-НАТО, созданный в мае 2002 г., в первые месяцы своего существования продемонстрировал положительные результаты, однако и вопросы, выносимые на его рассмотрение, вызывали по определению наименьшее количество противоречий. По мере перехода к обсуждению более сложных проблем, положительная динамика скорее всего замедлится. У Совета по-прежнему нет повестки дня, узнаваемо присущей только ему и не присутствующей на других форумах, что в том числе опять-таки связано с отсутствием у НАТО четко продекларированной миссии в области безопасности. России проще обсуждать повестку безопасности напрямую с США и ведущими державами Европы.

- 5.3.5. Опыт НАТО и его новых членов, однако, может быть чрезвычайно полезным в проведении в России, на Украине и в перспективе в Белоруссии военной реформы.
- 5.4.1. Развитие отношений в сфере безопасности между Россией и ЕС столкнется с базовым парадоксом в развитии измерения безопасности в деятельности Союза. Парадокс заключается в том, что воспринимаемый как «провайдер» безопасности, Евросоюз на деле либо не может выработать единой позиции (Ирак), либо не готов к выполнению задач с сугубо военной точки зрения (Босния, Косово), либо берет на себя нейтрализацию вызовов маргинального характера (Македония). Противоречия между сторонниками европейской обороны и атлантической солидарности будут существенно тормозить становление идентичности в сфере безопасности. Не до конца ясно, как поведут себя нынешние внеблоковые члены ЕС (Австрия, Ирландия, Финляндия, Швеция, с 2004 г. – Мальта и Кипр).
- 5.4.2. До сегодняшнего момента декларируемый взаимный интерес к сотрудничеству не привел к значительным результатам. Страны ЕС не пошли на закупки российских самолетов для оснащения сил, в перспективе предназначенных для действий за пределами Европы, и таким образом, похоронили единственный крупный проект, вошедший в стадию практического обсуждения. Вместе с тем сохраняются возможности налаживания военно-технической производственной кооперации, возврата к обсуждению российского предложения о создании совместной ПРО ТВД (на случай распространения ОМУ и баллистических ракет в Азии и Северной Африке), а в отдаленном будущем – ядерного сотрудничества с Великобританией и Францией. Совместное управление и разрешение конфликтов в зоне ОБСЕ также возможно и лежит в русле общих интересов. Россия на первых порах получила бы большой материальный и практический выигрыш в плане обеспечения безопасности своих южных и восточных рубежей. Однако и ЕС, сотрудничая с Россией, оказался бы гораздо ближе к решению задачи обретения независимого от США военного потенциала, не говоря уже о вкладе в обеспечение долгосрочной стабильности на своей восточной границе.
- 5.4.3. Вместе с тем скептицизм на обеих сторонах вполне может вылиться в отказ от сотрудничества. Россия теряет к нему интерес, видя неспособность ЕС выступить в роли единого игрока и наталкиваясь на восприятие своего ВПК как конкурента, а не партнера. ЕС, в свою очередь, не разделяет российской оценки угроз в сфере ПРО и с растущим недоверием смотрит на перспективу сотрудничества в области миротворчества с российской армией, реформирование которой затягивается, а совместимость даже элитных частей с европейскими (знание английского языка, системы связи) остается низким.

VI. ВЛИЯНИЕ РАСШИРЕНИЯ ЕС И НАТО

- 6.1. Процесс расширения Европейского Союза на страны ЦВЕ и Балтии, перешедший после Копенгагенского саммита ЕС (декабрь 2002 г.) и подписания в Афинах соответствующих соглашений со странами-кандидатами (апрель 2003 г.) из политической в международно-правовую плоскость, становится системным фактором дальнейшей эволюции Востока Европы. От политики

- ЕС в огромной степени будет зависеть, станут ли новые восточные границы Союза линией глубокого раскола Европы по социально-экономическому признаку или будут в отдаленном будущем походить на границы Союза с Норвегией и Швейцарией.
- 6.2. От НАТО в данном контексте зависит гораздо меньше. Возникший в 1999 г. контакт Украины, Белоруссии и России в Калининградской области с НАТО до сих пор оказывал на повседневную жизнь этих стран минимальное влияние.
  - 6.3. Критически важным партнером Евросоюза на Востоке является Россия. Если между Россией и ЕС будут возникать отношения интеграционного типа, подключение к этим отношениям Украины, Белоруссии и Молдовы неизбежно. Обратная последовательность этой цепочки, даже в случае не слишком вероятного быстрого сближения ЕС и данной «тройки», не дает гарантий отношениям ЕС-Россия и затрудняет практические действия по интеграции «новых соседей». Сложные отношения между Россией и ЕС, отсутствие реально работающего партнерства скорее всего сделают всю «восточную» политику ЕС безрезультатной.
  - 6.4. К настоящему времени наметился ряд таких последствий расширения, которые в краткосрочной перспективе будут действовать в сторону углубления социально-экономического разрыва, уменьшения «притяжения Европы» для стран СНГ, снижения, а не повышения важности «новых соседей» и в меньшей степени России для Евросоюза.
    - 6.4.1. В соответствии с безупречной и единственно возможной логикой поведения Брюсселя, которая диктует необходимость ускоренной экономической адаптации новых членов, объемы предоставляемой им финансовой помощи резко возрастут. «Новые соседи» не могут надеяться даже на пропорциональный рост помощи.
    - 6.4.2. Темпы развития экономической и транспортной инфраструктуры станут принципиально различными. Механизмы регионального сотрудничества не смогут компенсировать этот разрыв.
    - 6.4.3. Дальнейшее повышение инвестиционной привлекательности новых членов приведет к потере «восточными соседями» части потенциальных инвестиций.
    - 6.4.4. Продолжится переориентация торговых потоков на внутрисоюзную торговлю, хотя, по-видимому, наиболее болезненные эффекты этого процесса уже остались в прошлом. Следует особо отметить лишь ожидаемое снижение торговли между Украиной и странами Балтии, которая ранее базировалась на принципах свободной торговли, а теперь попадет под юрисдикцию общей тарифной политики ЕС.
    - 6.4.5. Существует риск выстраивания с «восточными соседями» квази-колониальных торгово-экономических отношений. Применительно к России это будет означать концентрацию преимущественно или исключительно на импорте энергоносителей и сырья. В другие страны могут быть вынесены экологически вредные производства.
    - 6.4.6. Визовой режим уже до присоединения новых членов ЕС к шенгенским соглашениям приведет к уменьшению трансграничного экономического и гуманитарного взаимодействия. Это серьезно затронет экономические интересы значительного количества людей, втянувшихся за последнее десятилетие в челночную торговлю и связанный с ней малый бизнес. Создание адекватной потребностям людей консульской инфраструктуры

на обеих сторонах границы займет неопределенной долгий период времени.

При этом запечатать восточную границу ЕС не удастся. Этому будет препятствовать много факторов, среди которых ставка Польши на сохранение либерального визового режима с Украиной (многократные долгосрочные визы, введение льготных категорий), целенаправленная политика Венгрии по поддержанию связей с венгерскими меньшинствами, обладание значительной частью жителей Молдовы гражданства Румынии. Челночество и контрабанда полностью неискоренимы до тех пор, пока существует разница в ценах на подакцизные товары, что можно наблюдать, например, на российско-финской границе.

6.4.7. Нынешнее брюссельское видение будущего Евросоюза – в противоречии с официальной риторикой - неизбежно ведет к деприоритизации «восточных соседей». Обозначаемая сейчас схема расширения географии ЕС говорит об интеграции Балкан, за которыми может последовать Турция. По этой логике простым «соседям», не имеющим пока перспективы членства, будет уделяться меньшее внимание. Собственно говоря, уже сам термин «сосед» в семантическом ряду стоит гораздо ниже понятия «партнера», употреблявшегося в отношении той же Украины в большинстве ранее принятых документов. Объединение же восточных и южных соседей ЕС (арабские страны Средиземноморья и Израиль) в одну категорию в рамках мартовского 2003 г. документа Европейской Комиссии «Расширенная Европа – Новое соседство» способно лишь добавить скептицизма в оценке намерений ЕС проводить на Востоке Европы эффективную политику.

6.5. В странах ЕС существует общее понимание нежелательности нарастания разрыва в уровне социально-экономического развития по обе стороны новой границы Союза. На этой основе увеличивается готовность принимать меры по нейтрализации негативных последствий расширения. Однако обсуждаемые пока рамочные концепции – «Расширенной Европы» и лоббируемого Польшей «Восточного Измерения» - остаются и, к сожалению, имеют все шансы на то, чтобы остаться декларациями. В них отсутствует учет следующих обстоятельств.

6.5.1. В условиях чрезмерной напряженности бюджета ЕС и организационной концентрации европейской бюрократии на проблемах расширения и реформы институтов Союза ему будет чрезвычайно трудно проводить ресурсо-обеспеченную политику. И в финансовом, и в политическом отношении «Восточное измерение» будет конкурировать патронируемым Финляндией «Северным измерением», даже если этот факт будут официально отрицать.

6.5.2. Группа стран ЕС, готовая энергично продвигать «Восточное измерение», недостаточно велика. Она включает в себя Польшу, Литву, Германию, а в число заинтересованных участников могут войти Венгрия, Словакия, Латвия. В поисках внутрисоюзных согласований группа столкнется с противодействием средиземноморских стран с одной стороны и, возможно, северных с другой. Даже если в результате «Восточное измерение» и станет официальной линией Союза, компромисс будет достигнут за счет дальнейшего перераспределения потенциальной ресурсной базы в пользу других региональных группировок.

- 6.5.3. «Северное измерение», по модели которого предполагается строить его восточный аналог, применительно к не вступающей в ЕС России продемонстрировало ограниченную эффективность. «Северное измерение» так и не смогло пока стать чем-то большим, чем концептуальный зонтик, создать собственную проектную программу, выйти за пределы энергетической и экологической специализации и на деле способствовать экономической перестройке и технологической модернизации России, чего последняя ожидала от своего участия в программе в первую очередь.
- 6.5.4. В отношениях между народами Востока Европы по-прежнему много историко-психологических проблем и предубеждений. В 90-е годы укрепление независимости и суверенитета государств часто сопровождалось (вос)созданием и культивацией новой национальной мифологии, трактующей общую историю, особенно события периода второй мировой войны, с диаметрально разных позиций. В результате влияние иррациональных факторов на конкретные события оказывается непредвиденно большим. Киев, несмотря на всю заинтересованность в налаживании партнерских отношений с Варшавой, оказывается абсолютно беспомощным в ситуации, когда на пути сотрудничества оказывается отказ части населения Западной Украины пойти на историческое примирение. В России и Балтии ощущается глубокое внутреннее неприятие складывающихся прагматических взаимоотношений.
- 6.6. Бюрократические упражнения, подобные упомянутому выше документу Еврокомиссии, отражают отсутствие четкого представления о цели, которой ЕС хотел бы достичь в отношениях с «восточными соседями», включая Россию. Этот документ не позволяет увидеть в подходах ЕС ставку на строительство «крепости Европа», что заслуживает положительной оценки, но вместе с тем он не содержит и стремления к развитию отношений по интеграционной модели, тем более – поэтапного изложения задач соответствующей политики. В известном смысле, документ подрывает кредитоспособность политики ЕС, ставит под сомнение ее последовательность, открывает ЕС для упреков в двойных стандартах. В обмен на «прогресс в демонстрации общих ценностей и эффективную имплементацию политических, экономических и институциональных реформ, включая приведение законодательства в соответствие с *acquis*» соседям обещан доступ к внутреннему рынку ЕС и продвижение к свободе передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы в то время, как ныне вступающие в ЕС страны после достижения практически тех же критериев получили полноправное членство.
- 6.7. Проблема Калининграда в огромном объеме отражает те проблемы, с которыми ЕС будет сталкиваться при выстраивании отношений с партнерами на востоке, в частности, отсутствие предопределенности положительного результата, низкую совместимость бюрократических культур, уязвимость для воздействия внутривосточных факторов. С одной стороны, ЕС и Россия оказались способными преодолеть изначально весьма острые разногласия и достичь компромисса, учитывающего интересы всех сторон, включая Литву. Была доказана обоюдная способность отказываться от «священных текстов», каковыми для ЕС считались ныне теряющий негибкость шенгенский режим, а для России – переговоры о реадмиссии, теперь начавшиеся. С другой стороны, оказалась непроработанной масса деталей, так что на практике громкий калининградский компромисс означает всего лишь частичное решение вопроса о транзите людей. Проблема социально-экономического раз-

вития исчезла из фокуса. Есть значительная вероятность, что вместо наращивания совместных усилий вопрос будет считаться решенным до очередного обострения ситуации.

- 6.8. Представляется, что будущая политика Евросоюза по отношению к России в частности и «новым восточным соседям» в целом нуждается в модели. Калининград лишь ограниченно пригоден для этой цели из-за небольших масштабов его экономики и общей уникальности положения. Более обещающим направлением может оказаться использование в качестве пилотной модели всего российского Северо-Запада.

VII. СЦЕНАРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОСТРАНСТВ

- 7.1. Конфронтационный сценарий полностью исключен в силу сущностной заинтересованности России в развитии партнерских отношений с Евросоюзом.
- 7.2.1. Достаточно большой вероятностью реализации обладает негативный сценарий «селективного взаимодействия», при котором отношения между Россией и Европейским Союзом в целом не выйдут за рамки шаблона 90-х годов. Сценарий подразумевает, что регулярно принимаемые декларации не будут вести к прорывам на практике, торгово-экономические отношения не будут перерастать в интеграционные, а компромиссные решения, основанные на учете интересов друг друга, будут приниматься только тогда, когда альтернативой будет жесткий конфликт, как это было вокруг проблемы Калининграда.
- 7.2.2. Предпосылки для реализации этого сценария должны быть осознаны во всей полноте. В наиболее общем виде, речь идет о следующих факторах:
- в России и других странах Новой Восточной Европы очень медленно, а по ряду важных критериев – вообще не создаются внутренние предпосылки для интеграционных отношений с ЕС как в экономической, так и в политической сферах;
  - в странах Европейского Союза четко прослеживается неудовлетворенность по поводу того, что воспринимается как непоследовательность России и Украины в осуществлении продекларированного «европейского выбора»; в адрес России наиболее акцентированно звучат упреки в резком сокращении возможностей налаживания прямых экономических связей с регионами, минуя Москву, и в ужесточении условий поездок в Россию европейских граждан на фоне предложений о введении безвизового режима взаимных поездок; подспудно постоянно присутствует тема Чечни и свободы СМИ; Белоруссия, а в последние годы и Украина, подвергаются критике в связи, как утверждается, с отсутствием в этих странах политических свобод;
  - Россия, зачастую обоснованно, видит в подходах Евросоюза двойные стандарты (отношение к национальным меньшинствам, борьба с терроризмом, предъявление России таких условий вступления в ВТО, которые не предъявлялись ранее вступающим странам);
  - очевидно несходство бюрократических культур двух пространств: бюрократия ЕС в принципе ориентируется на результат, поэтому тогда, когда берет на себя конкретные обязательства, как правило, несет ответственность за их выполнение; переход от деклараций к юридически обяза-

вающим положениям договоров часто является для нее болезненным процессом, но по его окончании можно рассчитывать на целенаправленную деятельность; в России же и Украине, наоборот, доминирует декларативная, а не имплементационная культура, «программотворчество» подменяет собственно исполнение программ; Москва и Киев с легкостью берут обязательства и с легкостью же их не исполняют; лучшим примером в этом плане является взятое Россией еще в 1994 г. в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве одностороннее обязательство привести законодательство в соответствие с нормами ЕС и отсутствие работы по его выполнению;

- после расширения внутри ЕС оппозиция партнерским и тем более интеграционным связям с Россией возрастет за счет стран, имеющих с ней сложные двусторонние отношения; неурегулированность российско-балтийских отношений имеет в данном контексте особое значение.

7.2.3. «Селективное взаимодействие» в долгосрочной перспективе поведет к нарастанию разрыва вдоль новой восточной границы ЕС. Вряд ли при этом сценарии шансы на членство в Союзе получит Украина, не говоря уже о Белоруссии и Молдове. Россия заплатит экономическую цену в виде недополученных инвестиций и технологий, все ее социальные болезни углубятся. По сути, Россия все больше будет напоминать страну «третьего мира», экспортирующую сырье и не имеющую современной промышленности. В течение определенного периода времени, в особенности если ей придется согласиться на не вписанные в общий контекст партнерских отношений реадмиссионные договоры с ЕС и Украиной и строительство укрепленной границы с последней, Россия будет играть роль щита безопасности для Европы, принимая на себя наркотрафик и иммиграционные потоки. Но бесконечно долго такую роль она играть не сможет и столкнется с риском внутренней дестабилизации.

7.2.4. Ни Россия, ни ЕС не могут быть заинтересованы в реализации этого сценария.

7.3.1. В двадцати-тридцатилетней перспективе как минимум столь же возможна реализация позитивного сценария, а именно выстраивание отношений институционализированного партнерства с ЕС в частности и развитым миром в целом. Формулу институциональной связи в настоящий момент не имеет смысла обсуждать. Это может быть нынешний тезис ЕС об «объединении всего, кроме институтов», то есть норвежская модель, или что-то другое. Важна сущность, заключающаяся в переходе России из категории внешней силы, аутсайдера, пусть и дружественного, в категорию инсайдера.

7.3.2. Внешнеполитические предпосылки для реализации этого сценария появляются и укрепляются:

- все больше осознается необходимость окончательного отказа от парадигм «Запад-Восток» и «Европа-Евразия» и принятия парадигмы «Север-Юг» как основы понимания мира и сохранения глобальной стабильности; страны Севера, к которым принадлежит (с учетом всех рисков – пока принадлежит) Россия, объединяют сходство культур и общие вызовы безопасности;
- внешнеполитическая революция Путина после расширения НАТО и ЕС приводит к восстановлению отношений России со странами ЦВЕ, прагматизму на балтийском направлении, росту обоюдного интереса и ин-

ституциональных возможностей взаимодействия между Москвой и Брюсселем в его обеих ипостасях; при этом Россия в основном отказалась от ранее существовавших оценок о возможности и целесообразности использования отношений с Европой как средства давления на США и наоборот, хотя в период иракского кризиса 2003 г. в этом вопросе наблюдались колебания;

- обсуждаемое в ЕС долгосрочное видение расширения лишает Союз его прежних аргументов против интеграционных отношений с Россией: если членом Союза может быть мусульманская Турция, большая часть населения и территории которой находится в Азии, и если в принципе не исключается членство такой слаборазвитой балканской страны, как Албания, то непонятно, чем, кроме как застарелыми фобиями может объясняться отказ предоставить интеграционную перспективу России и тем более – Украине; неготовность этих стран соответствовать критериям членства на практике в обозримой перспективе, с точки зрения логики, ничего не меняет.
- 7.3.3. В этих условиях ключевым фактором в дальнейшем станет успешное продолжение внутренней трансформации стран Новой Восточной Европы.
- 7.3.4. Позитивный сценарий предполагает движение во взаимных экономических отношениях к введению свободы передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. В этом контексте крайне важно, чтобы разрабатываемые положения о едином экономическом пространстве в максимальной степени нацеливались бы на четкую и понятную категорию свободы торговли. В противном случае ЕЭП повторит судьбу своего аналога в СНГ, которое так никогда и не возникло. России нет необходимости полностью принимать экономическую часть *acquis*, что для нее невыгодно и нереалистично, но гармонизация основных норм и стандартов экономической деятельности с его положениями возможна и целесообразна, поскольку это оптимизировало бы внутреннее и внешнеэкономическое развитие России. Что касается общей внешней политики и политики безопасности ЕС, то уже сейчас можно задуматься о предоставлении России и может быть Украине какого-то ассоциированного статуса по аналогии с одним из статусов, существовавших в ЗЕС.
- 7.3.5. Институционализированное партнерство наилучшим образом отвечало бы задаче создания Европы без разделительных линий и обеспечению ее безопасности и развития. Неспособность и тем более отказ использовать существующие шансы установления такого партнерства обернется серьезными негативными последствиями для стран европейского континента.

Таблица 1. Показатели ВВП

Страна	Объем ВВП, 1995 г., в % к 1989	Объем ВВП, 2001 г., в % к 1989	Объем ВВП, 2001 г., в млрд. долл. США по текущему курсу	Подушный объем ВВП, 2000 г., по ППС тыс. долл. США
Болгария	79,7	78,3	12,7	5,710
Венгрия	85,6	108,3	52,4	12,416
Польша	98,6	128,1	174,6	9,051
Румыния	84,8	83,5	39,7	6,423
Словакия	84,0	106,2	20,5	11,243
Чешская респ.	94,1	102,2	56,4	13,991
Латвия	51,0	69,1	7,5	7,045
Литва	56,1	69,9	11,8	7,106
Эстония	66,6	89,8	5,3	10,066
Белоруссия	63,4	89,6	12,1	7,544
Молдова	38,5	36,0	1,5	2,109
Россия	60,2	67,3	310,0	8,377
Украина	46,0	45,4	37,6	3,816

Источники: World Bank World Development Indicators Database 2002, Economic Survey of Europe 2002, Human Development Index 2002.

Таблица 2. Индикаторы человеческого развития

Страна	Рейтинг в Индексе человеческого развития, 2000	Значение индекса человеческого развития, 1990	Значение индекса человеческого развития, 1995	Значение индекса человеческого развития, 2000
Чешская респ.	33	0.835	0.843	0.849
Венгрия	35	0.804	0.809	0.835
Словакия	36	0.820	0.817	0.835
Польша	37	0.792	0.808	0.833
Эстония	42	Данных нет	Данных нет	0.826
Литва	49	0.816	0.781	0.808
Латвия	53	0.804	0.763	0.800
Беларусь	56	0.809	0.776	0.788
Россия	60	0.824	0.779	0.781
Болгария	62	0.786	0.778	0.779
Румыния	63	0.777	0.772	0.775
Украина	80	0.795	0.745	0.748
Молдова	105	0.759	0.704	0.701

Источник: Human Development Index 2002.

Таблица 3. Демографические тенденции

Страна	Численность населения, 2001, млн. человек	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, 2000	Прогнозируемая смертность в 2000-05 гг. на тысячу жителей*	Прогнозируемая рождаемость в 2000-05 гг. на тысячу жителей*	Прогнозируемый ежегодный прирост населения в 2000-05 гг., в процентах*
Болгария	8,1	70,8	15,1 (30)	7,8 (2)	- 1,0 (2)
Венгрия	10,2	71,3	13,5 (37)	8,8 (15)	- 0,5 (7)
Польша	38,7	73,3	9,9 (70)	9,5 (21)	- 0,1 (14)
Румыния	22,4	69,8	12,8 (45)	10,4 (28)	- 0,3 (10)
Словакия	5,4	73,3	9,8 (77)	10,2 (26)	**
Чешская республика	10,3	74,9	10,8 (58)	8,7 (11)	- 0,1 (14)
Латвия	2,3	70,4	13,4 (38)	7,7 (1)	- 0,6 (4)
Литва	3,5	72,1	11,2 (55)	8,7 (11)	- 0,2 (12)
Эстония	1,4	70,6	13,3 (39)	8,7 (11)	- 1,1 (1)
Белоруссия	10,0	68,5	14,1 (33)	9,1 (18)	- 0,4 (8)
Молдова	4,3	66,6	12,3 (48)	11,5 (39)	- 0,3 (10)
Россия	144,8	66,1	15,3 (27)	8,5 (8)	- 0,6 (4)
Украина	49,1	68,1	15,4 (26)	8,1 (3)	- 0,9 (3)

* В скобках указана позиция во всемирном перечне. Чем выше позиция, тем выше прогнозируемая смертность, ниже рождаемость и ниже прирост населения

** Данных нет. В 1997-2001 гг. население страны росло примерно на 0,1-0,2 % в год

Источники: World Bank World Development Indicators Database 2002, Human Development Index 2002, Economist Pocket World in Figures, 2001.

Таблица 4. Уровень коррупции

Страна	Уровень коррупции (позиция в рейтинге)*	Уровень коррупции (индекс)
Эстония	29	5.6
Венгрия	33	4.9
Белоруссия	36	4.8
Литва	36	4.8
Болгария	45	4.0
Польша	45	4.0
Чешская республика	52	3.7
Латвия	52	3.7
Словакия	52	3.7
Россия	71	2.7
Румыния	77	2.6
Украина	85	2.4
Молдова	93	2.1

*Чем выше позиция в рейтинге, тем менее коррумпирована страна. Методика подсчета индекса разъяснена на сайте www.transparency.org

Источник: Transparency International Corruption Perception Index 2002.